

Мирослав Палыч

**Гитлер, Баксов и другие...
Книги первая и вторая**

18+

Мирослав Палыч

Гитлер, Баксков и другие...
Книги первая и вторая

«Автор»

2020

Мирослав Палыч

Гитлер, Баксов и другие... Книги первая и вторая / Мирослав Палыч — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-96476-1

Эпоха пара здравствует и развивается в параллельной реальности по сей день. Сегодняшние паробайки норовят отрываться от земли. Сტიпанк-дилижансы прячут над землей на паровоздушных подушках - чуть помедленнее «сапсанов» и «синкасенов». В сегодняшнем мире стимпанка дверцы на холодильнике закрываются миниатюрным паросиловым механизмом. Парокомпрессорные кофемолки, дилдо и парокластерные мониторы пользуются невероятным спросом. «Пар — наше все!» — скандируют прихожане в храмах стимпанк-эпохи...

ISBN 978-5-532-96476-1

© Мирослав Палыч, 2020

© Автор, 2020

Мирослав Палыч

Гитлер, Баксов и другие...

Книги первая и вторая

Все персонажи вымышленные, любое совпадение с реальными людьми случайно.

Книга первая

– Имейте ввиду, – надеюсь, что в недалеком будущем буду иметь возможность встретить вас в Новой Швабии... – говорил Гитлер, слегка наклонившись к уху Сталина, казалось, слегка улыбавшегося, но внешне никак не прореагировавшего на предложение собеседника...

Было это перед Большой войной на территории Чехословакии, где они встречались в малоприметном замке на площади им. Б. Немцова. Встреча не привлекла внимания мировой прессы, потому как в «Зеленом театре» Праги выступали Дзидзидио и политолог Мехеев, а в городском парке проходили собравшие горожан «Бандеровские чтения». Анж Дуда присутствовал на встрече наблюдателем от ОБСЕ, будучи всему тому непосредственным свидетелем. Стороны прибыли на стратегических стимпанк-дирижаблях. Сталин – со Власиком, а Гитлер – с пилотицей в сапогах и в кожаном ядовито-зеленого цвета лётном купальнике. Дуде, стоявшему поодаль Гитлера и свиты, летчица приглянулась. И, когда рейхсканцлер Германии отдался от генералов беседовать со Сталиным, Дуда негромко, но со всей галантностью, полной приторной проникновенности в его бархатном голосе, предложил пилотице:

– А пойдёмте-ка покажу вам Кагановича.

– Я предана кагану фюрера! – холодно ответила пилотица, презрительно сделав тонкие губы, чем обескуражила Дуду, у которого даже, казалось, и его пиджак из синего твида покраснел.

Поправив складки купальника, летчица направилась было к Гитлеру, но ее жестом остановил Рудольф, дав понять, что мешать фюреру именно сейчас – не следует: как раз решается судьба Польши. Оставшийся не у дел Дуда нервно засеменил к фуршетному столу и жадно набросился на келбас в подливке из хрена.

«Тоже мне ухажер, – подумала о нем пилотица, – хоть бы шнапса или пива попробовал. Жрет и не пьёт! У такого не вредно будет страну забрать и поделить между рейхом и Россией. Такому не нужна никакая Польша». Поняв, что в данной ситуации Гесс ей не помощник, пилотица устремилась на стоянку искать личный дирижабль Геринга, помня, что там, внутри, был паровой аппарат прямой радиосвязи с фюрером, который сейчас увлеченно поведывал Сталину рецепт вегетарианской шавермы со спаржей – «По-берлински».

Несмотря на то что встреча проходила тайно, в обстановке повышенной секретности, все же материал «для репортажа» собирали дальновидно завербованные Абакумовым Ольга Скобеива под псевдонимом Урсула Пфайфер, одетая в форму ээсовского фотографа, и ее будущий муж Евген Попав под именем Ганса Рихтера, помогавший сервировать и переодетый ради замкового колорита в шутовской костюм – фрак с колпаком. Первоначально советская развед-ставка планировала командировать на сбор информации по встрече товарищей Районного и Губерниева, до которых уже были доведены задания с адресами и явками, но в последний момент все поменялось: Д. Губерниева нашли не слишком спортивным и нестойким к крепким напиткам. У Б. Районного же была тугоподвижность указательного пальца, а пятизрядный перстень-револьвер, который специально для него на всякий непредвиденный случай изготовили в одной из секретных лабораторий, имел недостаточную силу убоя.

Ольга с «Лейкой» на груди явно проигрывала лощеному блеску модной пилотицы и, несколько ущербленная в самолюбии, пыталась придать себе уверенности, живописно ставя ступни своих ног – в положение свастики.

Встреча Гитлера со Сталиным своим чередом, мерно и без эксцессов проходила в интерьере чехословацкого замка, незаметно охраняемого бывшими в штатском людьми из СД и Гестапо.

...А в это время сквозь белые пузатые тучи по направлению из Рублевки в сторону Берлина летел неприметный обтянутый джинсовой тканью дирижабль с ЛГБТ-флажком на кабине, подвешенной ажурными креплениями к раздутой цвета индиго сигаре.

Одетая в модный мышинный комбинезон пассажирка джинсового дирижабля Ксения Сыпчак, склонившись над планшетом спешила подготовить подлежавший изъятию из интернета список компрометирующих ее роликов, о чем она хотела просить фюрера. Ведь было известно, что только фюрер и его великий рейх способны оплатить за весь мир «7-ю винду» и убрать из довоенного паронасосного инета компрометирующие ее, Ксению, ролики. В предстоящих переговорах с фюрером у дирижаблистки Ксении был в рукаве козырь! Кроме того, что она натренировалась перед зеркалом безукоризненно встрепывать руку в приветствии, она была уверена, что это ей идет как никому. Она имела нечто еще, что могла предложить Адольфу Алоизовичу взамен. Это были компроматные ролики на хватившую лишнего и ставшую разговорчивой на одной из пикантных вечеринок Настасью Валочкову. Откуда было знать наивной Ксении, что Гитлер находился не в Берлине, куда она направлялась, а на территории Чехословакии. Ее знакомые агенты Попавы-Скобеивы, с кем могла бы связаться проворная Ксюша, также были по известной причине не в Берлине и из Праги планировали сразу же на маломестной, почти миниатюрной подводной лодке качественной нидерландской ручной клепки отправиться в Албанию – на роспись.

Сталин с Гитлером заседали, деля Польшу, в пражском замке. Билли Гейц, озабоченный перенаселенностью планеты, отсчитывал наличные для передачи разработчикам вируса «горбатой анорексии», чистая свежесработанная в Бельгии вакцина от которой была ему привита накануне...

Ксения летела в Берлин. Анастасия разминалась перед тайной встречей с Николаем – восседала в шпагате на тихом безлюдном участке на трубе газопровода, идущего из России в Катар и оттуда дальше – в Соединенные Штаты. А тем временем младший лейтенант Путен наклеивал изображение панды на лобовое стекло своего сверкающего на солнце медноковаными боками, изрядно потрепанного в шпионских переделках «Ауриса».

Преданная Гитлеру пилотица Марта Брюгге не зарекомендовала себя злой, или доброй, или недотрогой. Неглупа и недурна собой, она в большинстве случаев – и на земле, и в небе – была способна возвышаться над ситуациями и принимать верные решения. Оставив фюрера делить Польшу, идя по незнакомым улочкам Праги, пилотица дышала полной грудью, наслаждаясь, сей раз жизнью – в особенности. Причиной тому были «сталинские соколы», недавно потрепавшие ее в небе Испании. В последнем бою один из них, приблизившись с тыла, повредил пропеллером хвост ее машины, надеясь, что, выпрыгнув с парашютами, они приземлятся вместе, и он уже на земле поступит с нею должным образом – два... или три раза. Но спускавшихся на парашютах враждующих пилотов, к счастью или к сожалению, разнесло на километры порывами ветра, и каждому из них собственным путем пришлось пробираться к своим. Скорее всего «ивану», притворявшемуся испанским ассом, повезло: пилотица неплохо стреляла из вальтера и блестяще могла метать сюрикены... Наконец, напротив одного из пивных подвальчиков пилотица заметила дирижабль своего экселенца. «Масса Геринг» – так Марта про себя величала своего прямого начальника, любившего с детства, как и Лейба Бронштейн, бросать в топку войны «живую силу».

... Сталин рассказывал Гитлеру свежий анекдот про издевательства Черчилля и Рузвельта над неким Шендыровичем. Красный агент Путен, сидя за рулем медно-«Ауриса», пронесился мимо Констандина Эрнста, что мечтательно прогуливался с сыном депутатки Мезулинной по Большому Арбату. А блюстителю порядка Аваковду уже третью ночь являлся во сне Сашко Билый и, душевно заглядывая тому в глаза, спрашивал: «Арсене, а чога ти мені не купив краснотарського чаю?..»

***

При виде Марты два рослых эсэсовца, охранявшие дирижабль Геринга, чуть отойдя, индифферентно встали в пол-оборота к пилотице. Они знали о ее негласном праве – в любое время входить в кабину дирижабля командующего авиацией рейха. Многострадального Рейха, какой после обид, нанесенных маршалом Фошем, начинал вставать со своих посбитых колен – стремительно и победоносно. Пилотица простучала каблучками сапог по четырехступенчатой лесенке и оказалась внутри дирижабля. Марта набрала ей известную комбинацию цифр замка, и крышка паро-коммуникатора поднялась вверх, обеспечивая доступ пользователю.

Укусно-спиртовые усилители клавиатуры срабатывали бесперебойно, и Марта, не обращая внимания на струи горячего пара, то и дело вырывавшегося между ее пальцев из множества клапанов передатчика, многократно и настойчиво отстукивала своему фюреру депешу: «Срочно прекратите переговоры со Сталиным о разделе Польши тчк Официант русский шпион тчк». Парофонограмма должна была быть доставлена прямо в карманный приемник адъютанта Гитлера. Но Марта не могла и подумать, что разработанный лучшими умами рейха безотказный прибор фюрерского адъютанта майора Куртца был испорчен – заблаговременно был залит из кондитерского шприца вязким нигролом посредством умелых манипуляций официанта Ганса Рихтера, на деле бывшего русским агентом.

Евген, закончивший свою миссию, уже мчался на пароцикле, заранее припасенном для него за поленницей разведчицей-напарницей Ольгой. Под мясистым афедроном Евгена два сверкающих лаком листовничных колеса его паромота в пронизанном сыростью воздухе весенней Праги нервно поскрипывали деревянными спицами.

Марта, расстроенная нерабочим состоянием приемника Куртца, покинула дирижабль массы Геринга. Идя уже в сумерках, она заметила: там и сям, а еще и вон там мелькала тень опытного держателя «дули в кармане» – Андрэаса Пальчевского. «Зачем этот Пальчевский нужен вообще? – думала про него Марта, – ведь столь же не нужен и излишне бездарно шумлив, как и эта русская певица, бывшая эмигрантка. Ведь не может этот Пальчевский ни победить вирус, ни убить одной пулей всех причастных к убийствам на Майдане». Любые эмигранты, не желающие оставаться на родине, были Марте весьма не милы. «...А, еще в мэры желает!» Сама Марта могла летать, истреблять... и еще – любить своего фюрера и курить ментоловые сигареты. Замахиваться на иные виды деятельности ей было несвойственно. «Зачем люди безответственно говорят о том, чего никогда не сделают? – размышляла Марта. – Вот что ему здесь надо, на стоянке дирижаблей?» Рука Марты непроизвольно потянулась к кобуре...

Среди белых пушистых туч, в небе над полями Советской России плыл корпоративный дирижабль серо-агрономического цвета. И пока Гитлер со Сталиным трудились над разделом Польши, Евген Попав давал, как говорится, копати на пароцикле, удирая от гестаповских ищеек... И пока рука Марты тем временем тянулась к кобуре с вальтером... главный пассажир агрономического дирижабля Дерипаско сквозь наполненную водой полую линзу ревниво всматривался в бесконечные серебристые ковры из давших всходы стимп-озимых – богатых магнием алюминиевых огурцов, а витамином В17 – ЦАМовых помидоров.

***

Сделав кувырок и изящно приземлившись на ноги, Анастасия покинула хребет газовой трубы, на которой восседала в шпагате на протяжении беспощадно установленного ею для себя отрезка времени. Место для тренировки и медитации было выбрано не совсем удачно:

время от времени внутри трубы шелестели какие-то твердые фракции, заставляя отвлекаться и вздрагивать во время медитации. Но все равно, будучи по жизни труженицей и здоровой оптимисткой, она чувствовала себя вполне готовой к пикантным ролевым играм с Николаем. «Да, надо будет не забыть слетать в Прагу, чтобы помочь Ксюше встретиться с Гитлером, я же ей обещала», – вспомнила Настасья, уже садясь за руль перламутрового паравтомобиля, подаренного ей последним любовником – богатым и обожающим «длинноногастеньких».

Никто бы и не подумал, что Баксов, никогда не державший в руках механизм сложнее и тяжелее варгана или микрофона, мог выделять на своем фотонно-паровом дирижабле «мертвые петли» и крутить «восьмерки». Все началось с того, что однажды после выступления Николая в Дрезденской опере к нему подошел восхитившийся его легчайше-пренебрежительной манерой исполнения сам Вернер фон Браун и, выразив свое восхищение, преподнес ему в дар фотонный квантово-механический преобразователь на быстрых углеводах. Известный колоратурный сопран тут же отогнал свой дирижабль в сервис и попросил специалистов установить на него подаренный преобразователь Вернера. И тут началось – равных на земле и в небе Николаю почти не стало. Дирижабль Николая первым прыгал со светофоров, обгоняя всякие другие сверкающие разноцветной лакировкой аппараты известных фирм, что по маневренным и техническим характеристикам в сравнении с его «Таисией» на деле оказывались жалкими поделками. Удобно утонув в анатомическом сидении фирмы «Икея и внук Эдиты», Николай, шевеля ногами и держась за штурвал, привычно вел свой дирижабль, именно в сей момент – на тяге педальной. Этим он не столько сэкономил топливные фотоны, сколько поддерживал физическую форму. Постоянно сверяясь с картой, Николай держал путь в направлении чешской деревушки Калиште – родины его любимого композитора – симфониста и песенника – Малера. Именно там должна была состояться его встреча с вожденной, желанной и такой неповторимой и божественно-гуттаперчевой Настасьей. Николай и Анастасия – как и весь мир – не знали о временном бункере Гитлера, скрытно находящемся в тех местах и обустроенном на время переговоров о разделе Польши. Не знали они и о приказе, полученном пилотицей Мартой, – сбивать без предупреждения все дирижабли, на бортах которых не имеется секретной условной подсветки. Откуда простым практикующим артистическим натурам было знать о шпионских условностях жестокого, беспринципного, грязно-политического мира, который дуче и фюрер постепенно скатывали к явлению с еще небывалыми в стимпанк-мире последствиями?

Пальчевский, крепко любивший абсолютно всякую свою жизнь во всяческих ее проявлениях, гипертрофированно развитым своим шестым чувством почуяв опасность, неподвижно распластался на кабине дирижабля доктора Геббельса. Он помнил совет Берл Лазера, какой тот дал ему на одном из субботних празднеств: «Если вдруг что – замри и не шевелись!»

Всматриваясь в пространство между дирижаблями, Марта с вальтером наготове прошла мимо абсолютно недвижимого, распластанного на стенке кабины Андреаса Пальчевского, слившегося, казалось, со всей неподвижной материей, что имела место быть на необъятной стоянке дирижаблей. Когда шаги Марты совсем затихли, Пальчевский зашевелился и верхними альвеолами легких осмелился вдохнуть немного воздуха.

***

Лже-Ганс Рихтер, блестяще проведший операцию по выведению из строя вражеского коммутационного имущества, заглушил свой паро-мото на перекрестке улиц Чапека и Ежа-с-бажен. Дымок от перегретых колес щекотал ему ноздри. Он думал о своей лже-Урсуле-Ольге, что на данный момент оставалась в самом логове врага. Оставалась в полном одиночестве. Но что поделать? Таковы суровые будни практикующего по контракту разведчика. Да ведь и Ольга-то сама виновата. Именно она беспрестанно клевала ему мозги: «Давай поработаем на Абакумова – и виллу на Кипре приобретем!». «И с кем теперь жить на этой вилле, если с Ольгой что случится?» – роились мысли в голове разведчика. Да и самому Евгению надо было

выжить – весь город был наводнен ищейками Мюллера. Настанет день – и ему конец. Евгений был не наивен – он знал, что его фото утром будет в городе на всех остановках пародилижансов. Весь внутренний мир в теле Евгения вдруг запаниковал от мыслей, что о нем не помнят, забыли! Он почувствовал, как сердце заполняется досадой на сидящее в Москве, в уютных кабинетах, начальство. От холода Евгения, который забыл снять с лацкана фрака бейдж с надписью «официант», бил озноб. Ко всему он чувствовал жуткий голод. Непрошенные капельки слезинок напрашивались вытечь из его глаз. Тело, мозг и желудок наверняка преданного начальством разведчика уже впадали в депрессию, ...как вдруг послышались звуки несущегося по Ежа-с-бажен мощного паромобиля, уже прорезающего светом фар предупредительную туманную серость улицы. Дверца автомобиля, едва сделавшего «полицейский» разворот, открылась как раз напротив трясущегося от холода агента Евгения, в голове которого тут же пронеслась мысль: «Вот и конец...». Но вместо пули в живот до агента Попова-Скобеива из открывшейся дверцы донесся уверенный и спокойный голос лейтенанта безопасности Путена: «Быстро сюда!». Прежде чем утопить в пол педаль пароакселератора, Путен сорвал с груди Евгения и бросил поверх опущенного стекла наружу бейдж с надписью «официант».

Анж Дуда никак не мог забыть пилотицу, что было причиной его абсолютного, уже трехнедельного игнорирования спальни давно ему надоевшей кислой рыжей супруги, от которой пахло табаком – менее изысканным, чем от Марты. Он почему-то надеялся, что, когда Сталин и Гитлер поделят Польшу, Марта сразу его полюбит и, конечно же, прокатит в небе на своем 009-м «Хенкеле». Но Адольф Алоизович и Иосиф Виссарионович делить Польшу не торопились. Вторую неделю заседа в замке Чехословакии и отправив своих двойников создавать видимость присутствия на непосредственных рабочих местах в Рейхстаге и Кремле, настоящие стимпанкические Сталин и Гитлер принялись делить для начала Прибалтику. Прибалтийские земли должен был объехать на открытом паро-автомобиле обмерить и расчертить на условные зоны внедренный прибалтам Йохан Вайс, но ему особо не доверяли – ни Адольф, ни Иосиф. У каждого из них уже были свои разведанные, откровенно говорящие о том, что Даллес был неравнодушен к Вайсу и не раз дарил ему освежающий американский чуингам – блоками. Вайс, прикидываясь овечкой перед обоими «экселенцами», не знал, что энергичный и деятельный советский резидент лейтенант Путен уже дал более везучему, чем талантливому агенту Евгению Попову-Скобеиву новое секретное задание. И оно состояло в том, чтобы независимо от Вайса сделать свои альтернативные замеры черноземных Прибалтийских земель и вывести средний размер еще не попавших в банки шпрот.

«Главное, – думал лейтенант Путен, везя в багажнике «Ауриса» агента Попова-Скобеива, – чтобы Владимир Рудольфович Соловьев-Ульрихт не разбазарил бы одним воскресным вечером «истины, рожденные от споров». А точнее – некоторые ему известные обстоятельства, касающиеся операции по скрытным замерам чухонских земель Поповым-Скобеивым. Повидавший виды опытный спецслужбист лейтенант Путен как никто понимал, что ни в одном споре еще никогда не родилось ни единой истины. Просто кто-то из спорщиков ловчее навязывал свое мнение другим.

***

Настасья, обгоняя редкие пародилижансы, напористо давила на пароакселератор своего перламутрового каучукокошесного аппарата, с легкостью съедающего километры Чешско-Моравской возвышенности. Сделав значительный крюк ради запутывания следов которые, по ее мнению, должны были отслеживать настырные репортеры светской хроники, мнимый биограф Швейка, а на самом деле – сексуальная туристка, приближалась к условленному месту со стороны Моравске-Будеевице. Она несколько устала от верчения баранки и постоянного утомляющего слух посвистывания пара в механизмах аппарата, но знала, что скоро у нее будет время отдохнуть, а заодно и сперва насладится растяжкой перед вожделенным, полным сладких неожиданностей квестом. Паро-маршрутизатор на приборной блистающей позолотой

доске показывал, что осталось проехать мост через речку – а там и уютная гостиница, которую через подставных лиц уже на протяжении последних полутора лет полностью оплачивал Бари. На мосту перед известным местечком оказался полицейский пост с внимательными людьми в форме, какие проверяли вереницу остановленных пародилижансов – интересовались больше пассажирами-мужчинами. Настасью пропустили без лишних формальностей, вероятно, отдав должное эксклюзивности ее аппарата, что напрочь исключила подозрительность полицейских. Еще пару поворотов – и к остановившемуся у подъезда гостиницы паро-авто Настасья предупредительно приближалась парковочная обслуга. «Я на месте! Теперь – отдых в предвкушении рая!..» – подумала Настасья пред тем, как снять очки и покинуть кабину утомленного дорогой остывающего паро-авто.

***

Через пару минут после прерывистого сигнала тревоги дежурная пилотица Марта Брюгге была в кабине своего «Хенкеля» и, запустив двигатель, уже выруливала на взлетку. Мощные паромембранные шумоуловители – одно из выдающихся инженерных достижений рейха – учуяли работу винтов неопознанного дирижабля за много километров до бесполетной зоны. Брикетно-урановый радар с совершенной паро-стрелочной индикацией безошибочно направлял самолет Марты навстречу летящему выше птиц дирижаблю Николая. Любимец вождя, обладатель самого золотого голоса паромеханической эпохи колоратурный сопран в полудреме, одев наушники и включив автопилот, слушал пластинку с Каем Метовым и мечтательно поглядывал на мимо проплывающие облака.

Марта решила использовать пароогнемет и пулемет «спарку», стреляющий игольчатыми патронами, одновременно. Раздумывать было некогда: оператор паро-шумоуловителей немного зевнул, попив накануне шнапса с крестьянками-чешками, и неопознанный дирижабль плыл уже почти над Калиште. Сделав круг над непрошеным гостем, Марта разобрала на его борту непонятные ей килирические знаки «Таисия». Выполняя свой недвусмысленный приказ, пилотица, зайдя сверху и с тыла и поймав в прицел кусок раздутой сигары, потянула на себя гашеточную ручку. Из носового пулемета эксклюзивного два ноля девятого «Хенкеля» в неопознанную сигару брызнули светящиеся пунктиры. Огурцеобразный непрошенный воздушный гость с непонятным для пилотицы названием почти в мгновение запылал малиновым пламенем. Уже беря обратный курс на свой аэродром, Марта заметила внизу едва освещенного светом догорающего дирижабля пилота, что спускался на аварийном паро-кевларовом шаре – также подарке Николаю от Вернера фон Брауна...

Марта не имела садистских наклонностей и не стала стрелять по спускающемуся шару; свой приказ она выполнила. На земле пилотом дирижабля-нарушителя пусть занимаются люди Мюллера из IV отдела РСХА.

Урсула Пфайфер – она же Ольга Скобеива – вторые сутки сидела в камышах в прохладных водах Влтавы. Утепленный водолазный костюм немного спасал от длительного соседства с холодной водой. После того как ее напарник и сожитель Ганс-Евген залил нигролом приемник адъютанта Гитлера Куртца, Ольга по предусмотренному ходу операции сперва, запершись в туалете, переделалась трубочистом и, вылезши на втором этаже из камина, ушла через окно. Далее ей пришлось откопать в тайнике водолазный костюм и сидеть в воде, пока не успокоятся все агенты Мюллера со своими собаками и пока за ней не придет человек с красной удочкой. Человека не было третьи сутки. И с каждым часом ожидание становилось все томительнее. Редкие рыбаки, что появлялись время от времени у реки, все были с обыкновенными неяркими удочками. Ко второй половине дня, что как раз наступила, рыбаки обычно исчезали. И только один упитанный настырный чех в натянутой почти на глаза гуцульской шляпе сегодня – все сидел и тупо не отрывал взора от поплавок своих снастей. Упоротый рыбак был помехой в осуществлении желания намерзшейся в воде Ольги хоть немного попрыгать на берегу, чтобы согреться. Наконец, рыбак в шляпе, не спеша поднялся с походного табурета, потянулся...

Стал, наконец, собирать свои снасти. Собрав все, он неожиданно, как фокусник, достал откуда-то красное удилище и воткнул его в прибрежный песок.

Рыбак на паро-мото с коляской – это был Владимир Рудольфович Соловеев-Ульрихт, выполнявший по приказу лейтенанта Путена свою миссию по переброске на родину агента Скобеивой, – бережно встроил в коляску своего паро-мото посиневшую от холода Ольгу. Затем накрыл пледом и на заранее приспособленные к боковинам коляски кронштейны приладил поверх Ольги площадку с пенопластовым, якобы запасным двигателем от своего же паро-мото. Ольга стала совсем невидна постороннему глазу. Пенопластовый же двигатель был специально изготовлен на заводе «Молот», в секретном отделе, с использованием новейшей паро-голографической технологии и визуально его невозможно было отличить от настоящего. Надевши шлем, паро-мотоциклист завел трехколесный аппарат и включил рычажок функции «теплая коляска». Почувствовав тепло, тело спасенной разведчицы расслабилось, и она скоро заснула полностью отрешенным от мира сном. Приснился ей смущенно улыбающийся укрокреакр Вячеслав Николаич, одетый в красную косоворотку и шаровары. В руке его был большой деревянный пивной бокал в головном рельефе гоголевского Пацюка.

Выжимая педаль парокселератора на полную, порядком уставший, но с чувством наполовину выполненного долга Владимир Соловеев-Ульрихт уверенно направлял свой паро-триал в сторону границы Венгерского королевства.

На подлете к аэродрому базирования Марта просверлила небо двойной «бочкой», давая понять всем, ее видевшим снизу, что задание выполнено. Посадив машину и будучи верной своей утрамбованной летными буднями привычке, пилотица достала из пачки пахнущую ментолом тонкую сигарету и, отодвинув фонарь, не снимая шлема, охотно затянулась. «Наверное, заблудившегося на дирижабле поляка, что спускался на паро-шаро-парашюте, уже догрызают служебные собаки рьяных служак из гестапо», – подумала она. Марта нисколько не сожалела о своей атаке беззащитного гражданского «Таисия». Ведь фюрер, которому она была предана всей своей арийской душой истинно немецкой женщины, должен был быть предельно огражденным от всяческих рисков со стороны всех этих коммунистических красных, особенно, не дай гот, коварных польских, молдавских или русских... В глубине души Марта, конечно, чувствовала, что она где-то, как-то местами поигрывает роли в этой жизни. Ведь когда она была вне роли, то допускала в себе сомнение в том, что Гитлер во всем мог быть лучше Шиллера или Гете. Наедине с собой лучшая пилотица рейха даже признавалась сама себе в том, что курит для удобства быть не во всем честной. Марта не знала, что корни ее сомнений – возможно, в ее полностью русском происхождении. Ее приемным родителям, немецким евреям, удалось, бросив в Заволжском разоренное гражданской войной небольшое хозяйство с овцами и зубным кабинетом, уехать с удочеренной полторагодовалой русской девочкой в Германию. Но Марта этой правды не ведала. А из всего русского любила только модель самолета «Илья Муромец», висевшую под потолком в ее спальне, и еще, сама не зная почему, русские романсы. Докурив сигарету, Марта ловко выбросила из кабины на крыло пару своих как натренированных, так и очаровательных ног и грациозно соскользнула на землю, предоставив машину техслужбам аэродрома. Ее боевое дежурство закончено. Сейчас она сядет на свой двухколесный паро-мото, отмеченный на паро-тендере розово-фиолетовой свастикой, промчится через такой загадочный ночной лес... и окажется в своей уютной съемной квартирке с волнистыми бежевыми занавесками и шикарной белоснежной ванной.

***

Золотой голос Паросиловой эпохи колоратурный сопран Николай Баксов находился внутри прозрачно-кевларового – спасибо Вернеру фон Брауну – парашюто-шара, зависшего в верхушках высоких деревьев. Николай был в ступоре. Он никак не мог поверить, что самый до сих пор большой ужас в его жизни вроде как закончился. «Давно надо было сваливать из этой Рашки, захватив лучшие сценические костюмы! Свои, а то и смежного певщика Филиппа. Что

за страна?! Не может построить для народа несгораемый дирижабль!» – в сердцах возмущался Николай, проявляя минутную слабость. Сейчас он даже совсем забыл, куда и зачем летел. В полной темноте он нащупал зеркальце с фонариком и, взглянув в него, ужаснулся! От пережитого страха его блондинистые волосы потемнели и стали цветом, точно, как борода у депутата Милонава. «Надеюсь, это временно», – в испуге предположил Николай, не в силах допустить мысль, что Милонав теперь сможет везде, где ни попадая, срывать часть его аплодисментов. Порывшись в карманах порядком порыжевший Николай нащупал прибор ночного видения на микро-паровой оптике и посмотрел вокруг... «О Го-осподи-и-и!» – впервые в жизни фальшиво пропел, а не проговорил любимец публики и вождя народов золотоголосый сопран. Он с ужасом увидел: до земли, где под ним зачем-то, едва различимые в полумраке, целой шеренгой целеустремленно пробежали какие-то господа с собаками, было не менее 20-ти метров!

Николай схватился за голову. «Люди с собаками... Наверное, деятельные члены Совета Федерации какого-нибудь Богемского или Моравского», – подумал про них Николай – резво скрылись из виду. Значит, кричать о помощи сквозь звуконепроницаемые стенки шара уже было бы глупо. С досады Николай стукнул кулаком по нехитрой приборной доске парашюта-шара. От удара откуда-то снизу ему прямо на ноги, упал спас-жилет, компактно упакованный в прорезиненную сумку. Удрученный ситуацией Николай не сразу вспомнил про полиаморфный паро-шаро-спасательный жилет, подаренный ему на гастролях в Бразилии дедушкой Илона Моска. Множественные шары жилета, реагируя на препятствия изменением температуры в смеси гелия с парами текилы, соответственно, давлением внутренним и, соответственно, меняя свой размер, позволяли беспроблемно спускаться с деревьев любой высоты.

Из спиртного Марта изредка предпочитала лишь светлые вина. Однако за отсутствием таковых выпила с коллегами-пилотами Люфтваффе из свободной смены фужер-другой Баварского пива. Пропев в компании с ними пару куплетов «Хорста Веселя», Марта поспешно распрощалась с подвыпившими «ястребами Геринга» и, пока не начали рассказывать сальные анекдоты, направилась к своему паро-мото. И вот строенные фонари ее двухколесного, на паросиловой тяге «железного друга» уже мчат ее по лесной дороге сквозь стены из сосен в чешское местечко, к белоснежной ванне, бежевым занавескам и американскому патефону...

***

Николай Баксов не особо любил рисковать. Сидя в застрявшем на макушках деревьев парашютном шаре Илона Моска, он разгрызал последний сухарь аварийного пайка и шестой раз проверял надежность застежек-креплений надетого спасательного жилета. Звезды на небе тускнели и исчезали. А темнотищу внизу начинала постепенно вытеснять предутренняя туманная серость. Николай уже и привыкал к высоте. Он вспомнил, как пел на корпоративе НКВД, тайно устроенном самим Николаем Ивановичем. Тогда он пел, стоя на балконных перилах, – а это было на предпоследнем этаже московской высотки! – А, вы смелы. – сказал ему тогда Ежов. – Я бы не смог стать на перила

– Что вы, вам ли по перилам ходить! Вы – щит и меч родины! Любимый вы наш народный комиссар! – Незамедлительно нашелся что ответить певщик. Ежов оценил тогда ту, как оказалось, легкую, своевременную и виртуозную лесть артиста. И поэтому колоратурный сопран не фигурировал в «деле врачей». Хотя следователями подшивались к делу сделанные скрытно фотографии Баксова в моменты приобретения им у зубных докторов золотых заготовок под коронки. Любимец публики хотел тогда заказать себе золотой медальон – чтоб был потяжелее, чем у так и не полюбившего баскетбол певщика Керкорова. Вспомнив все это, Николай стал уже совсем не бояться, а то и презирать ее – высоту. Наконец, проверив все застежки жилета, Николай надел на голову пробковый шлем, поцеловал свой нательный стограммовый палладиевый крестик и, заглянув еще раз в инструкцию, нажал одновременно две кнопки на пародистанционном пульте. Корпус шаропарашюта тут же выстрелил отлетевшими вверх шестью лепестками, открывая путь в нижнее пространство, и мгновенно обросший надутыми шарами

пилот сгоревшего дирижабля стал, переваливаясь через толстые ветки деревьев, приближаться к земле. Хотя дедушка Иллона Маска, изобретший этот шаровый самоспасатель, и знал свое дело, но ленившийся проходить техосмотры, пересыпать тальком и менять хоть иногда текилу в самоспасателе Николай сам косвенно поспособствовал тому, что один шар вышел из строя. Уже у самой земли он, этот шар, раздулся до невероятных размеров, и, сидя на его верхушке, почти на трехметровой высоте, артист не знал, что предпринять дальше. Но он ничего и не предпринимал. Уставший и осознавший, что большие опасности позади, он просто заснул на мягкой амортизирующей поверхности раздутого предательского шара.

Ночь постепенно превращалась в раннее утро.

Гитлера, заключившего для себя, что Сталина при разделе Польши обмануть не удастся, мучила бессонница. Сталин, уверенный, что отхватит от Польши ее самый лакомый кусок – под дополнительный аэродром для своих «соколов» – спал спокойно. Ксения на своем дирижабле возвращалась на Рублевку, так и не увидевшись с фюрером, даже несмотря на все усилия Настасьи, к которой был расположен Йозеф и почти все высшее командование рейха.

А управляющая движущимся аппаратом на лесной дороге пилотица ощущала прилив сил от окружающей ее просыпающейся весенней природы. Сейчас, на своем паро-мото, она полностью была самой собою и нисколько не играла никакой роли. Ей было как никогда хорошо. Она осознавала, что лучше ей может быть только в небе, в кабине «Хенкеля».

«Нет, без остановки не обойтись», – почувствовала Марта и направила паробайк с лесной дороги по едва заметной тропинке прямо в лесную чащу. Выпитое в аэродромном буфете пиво, пройдя в ее организме по кишечнику и кругам кровообращения, уже давно назойливо просилось наружу. Марта бросила на сидение перчатки, достала из секретного бардачка своего паробайка пару мягких салфеток, флягу с водой и, на ходу расстегивая молнии комбинезона, направилась в показавшееся ей удобным место под одной из небольших елей.

Марта ценила полностью принадлежавшие ей свободные минуты и после остановки не спешила продолжить поездку. Она захотела выкурить сигарету и еще походить по хрустящим веткам, но вспомнила, что сигареты оставила механикам на аэродроме, – она догадывалась, что те к сигаретам из ее рук относятся как к артефактам.

Пройдя еще немного в сторону от дороги, Марта вдруг увидела необычную картину. По огромному шару, почти на трехметровой высоте ползал человек в шлеме из пробки, вероятно, соображая, как ему добраться до земли.

Мгновенно оценив обстановку, Марта левой рукой вынула из кобуры вальтер и неслышно сняла с предохранителя. А правой – расстегнула левый наружный боковой карман комбинезона, где находилась сюррикенная обойма и, почти не размахиваясь, одним отработанным движением кисти резко метнула сверкнувший, словно молния, кусочек металла в раздутый шар. Из продырявленного шара с громким хлопком, шипением и свистом вырвался наружу гелий с парами текилы. Николай, накануне переживший от волнения из аварийного сухого пайка, ударившись пятой точкой о мшистую землю, икнул и пукнул почти одновременно. Невидимое текиловое облако, покинув пронзенный брошенным сюррикеном и сдувшийся парашюто-шар, стало обволакивать и Марту, подобралось к ее лицу... И легендарная некоторым образом уже при жизни пилотица Марта Брюгге, не избегавшая лобовых атак и прочих опасностей на своем истребительном бомбардировщике с победительной бело-черной свастикой на стабилизаторе, вдохнув паров текилы, выронила пистолет и свалилась наземь, словно скошенная травинка.

***

– А в чем видит герр Сталин конечный смысл «мирового пожара», раздуваемого вашими комиссарами? – вкрадчиво и вежливо вдруг поставил рейхсканцлер как бы не в тупик советского вождя, впери в него свой гипнотический взгляд.

Сталин не заснул под медиумическим взглядом фюрера. Он, Сталин, неспешно помял в руках трубку и сказал:

– В вашем гэрманском фашизмэ, кромэ крика, дэмонстратывности и заявляэмай агрэс-
сии, нэт ваабцэ ныкакова смисла!

Гитлер ничего не ответил, но ему польстило, что Сталин сказал «вашем германском фашизме». Германского фашизма еще не было, и Адольф только успел взять три урока фашизма у Бенито Муссолини – дистанционно, по паротелевизионному приемнику.

Стоит сказать, что Сталин и Гитлер на долгих переговорах по разделу Польши сдружились и уже стали иной раз понимать друг друга почти без слов. Этому в достаточной степени поспособствовал и казус с Генадьем Зигановым, который, взявшись неизвестно откуда, проко-
лесил мимо беседовавших мирно вождей, да прямо перед ними – в кабине старого чумазого паровозика с большой красной звездой на выпуклом паровозном лбу. Такие явления неуди-
вительны в эпоху стимпанка, легко пронизывающего все измерения. Паровозик остановился, окатил клубами белого пара стоявших ближе всех Риббентропа, Молотова и всю двусторон-
нюю свиту из генералов. Высунувшись из кабины паровоза, Генадй Ондреевич провозгласил, как всегда, дело. Генадй Ондреевич – это было известно всем – всегда говорил дело. И он воззвал: «Плодитесь, размножайтесь, заселяйтесь где хотите! Но только на виду у правитель-
ства народного доверия, которому народ разрешает распродавать недра, облигации и паро-
циркониевые гаджеты! И не дай бог, чтобы вы притесняли коммунистов Пенсильвании или поигрывали в либерастические игры! Уж мы, коммунисты, будьте уверены, отыщем деньги за распроданные неизвестно куда наши советские недра! Наш пенсионный фонд единым строем выступает за военное сотрудничество СССР и Германии!». При этих последних словах у едва не прослезившегося Гитлера возникло желание обнять Сталина. Но вегетарьянски уважая про-
токол, фюрер только незаметно и с чувством коротко, рывком пожал левую руку собеседника. Паровоз, непонятно как приехавший при полном присутствии полнейшего отсутствия рельсов, дав свисток, резво умчался. Видимо, на поиск денег, вырученных за проданные недра.

– Что есть «гаджет», о котором говорил этот взволнованный человек в паровозной будке? – спросил Гитлер, наклонившись к уху Сталина.

Советский вождь коротко мотнул головой и пожал плечами, дав понять, что тоже не знает, что есть «гаджет». Но про себя Сталин о Гитлере подумал: «Гад же ты!».

Марте, на некоторое время заснувшей от паров текилы, приснился один из прекрасней-
ших моментов ее раннего детства. Она с родителями на пляже озера Штоссензее. Плещется в теплых его водах, видит плавающих у самого берега маленьких, юрких, шевелящих плавни-
ками рыбок, а в небе – радостно голосащих, кружащихся чаек.

***

Пришедший окончательно в себя и испытавший удовлетворение от благополучного спуска с неба и с дерева, на каком застрял, Баксов достал из кармана зеркальце и с радостью отметил, что «милонавская» рыжесть с него спала. Он снова – о счастье! – тот же прежний любимец публики – неподражаемо поющий блондин! Николай, глядясь в зеркальце и поправив челку, вдохновеннейше, совершенно бесплатно и даже не за аплодисменты, неожиданно для самого себя вдруг посреди утреннего леса запел:

«Ивушка зеленая,
Над водой склоненная,
Ты скажи, скажи не тая,
Где любовь моя...».

...От громкого пения сознание Марты трансформировалось из сновиденческих миражей с теплыми водами детства в действительность, и она приняла сидячее положение. Какой-то светлый парень в обрывках от шароспасательного устройства удивительно приятным голосом пел на непонятном языке песню, берущую за душу. Вдруг Баксов заметил сидящую Марту, уже подобравшую свой вальтер и на него направившую. От такой неожиданности сопран, люби-
мец вождя, резко перешел на исполнение тирольской песни... и стал глохнуть, как патефон,

истощивший энергию пружины. Марта не могла не отметить, что некоей своей творческой вдохновенностью и добродушием, написанными на его лице, поющий парень выгодно отличался от всех самодовольных зазнаек из Люфтваффе.

«Жаль, что он не фюрер», – подумала Марта. По истлевшим ошметкам «Таисия», коегде валявшимся, Марта догадалась, что перед ней пилот сожженного ею же неизвестного дирижабля.

– Мадам, мадам! – запричитал Баксов, не зная чешского. – Я не маньяк! ...Карел Готт! Йозеф Швейк! Ян Гус! Отченаш Яношек! Хинди-Руси бхай бхай!

Ствол пистолета стал опускаться. Марта почувствовала, что этот бесхитростный парень чем-то ее притягивает, словно некий магнит.

– Какой непонятный язык! – досадливо и чуть слышно произнесла сама себе Марта по-немецки.

И тут, имевший острый и утонченный слух Баксов, который выучил немецкий раньше, чем русский – по немецко-турецкому разговорнику (разговорник бабушка подкладывала под низкую подушку ребенка в коляске), – воспрял!

– Фрау! Фрау, не стреляйте! – заговорил он на вполне понятном немецком. – Я потерпевший крушение дирижабля путешествующий несчастный русский артист, выигравший в корпоративное лото сексуальный тур...

Здесь вдруг он осекся, опомнившись, что сказал лишнее очень красивой женщине с бесстрашным, не умеющим не нравиться лицом.

– Вот так сюрприз! – сказала Марта, пряча в кобуру пистолет. – Я думала, что плохой немецкий здесь знает только Анж Дуда. Но Анж – мне не нравится, по-моему, он обыкновенный торгаш, готовый продать земли Польши, а заодно и Украины. Прошу прощения, если вас напугала.

– Что вы, какие пустышки!

Вдруг вспорхнув, Баксов сорвал на ходу пролесок и через секунду коленапреклоненный стоял около сидящей на засохшем мху Марты, картинно и верноподданнически протягивая ей цветок.

– Самой очаровательной девушке Чехословакии! – сопроводил Баксов дарительный жест пришедшей на ум своей записной речевкой.

Поблагодарив, Марта воткнула пролесок торчать в кармашке с сюрикенной обоямой и, представившись в ответ «таинственной лесной феей», выразила искреннее сожаление о потере Николаем своего воздушного судна. Николай, схватив руку собеседницы, прильнул к ней поцелуем (совсем как не так давно к руке подруги Настасьи на Мальдивах, где настойчиво и нередко в этом упражнялся) и, глядя отнюдь не скромно в глаза Марты, истово поклялся:

– Я незамедлительно приобрету новейший, современный несгораемый дирижабль на более совершенной паро-фотонной тяге и назову его «Таинственная незнакомка!» – скороговоркой протараторил артист, забыв, что квантово-механического преобразователя на быстрых углеводах, подаренного фон Брауном, больше нет. Сгорел вместе с его дирижаблем и набором пластинок с оперными ариями и Каем Метовым.

– Слишком длинно. Назовите проще – «Марта», – загадочно улыбнувшись, предложила пилотица.

Конечно, Марта не могла не предложить доставить на своем паробайке к гостинице вволю настрадавшегося русского сопрана, его же – секс-туриста. Но Баксов уже не хотел в гостиницу. Он хотел подольше побыть с очаровательной пилотицей, какая ему нравилась так же сильно, как и Анжу Дуде. А возможно, что и больше. Он, Николай Баксов, уже значительно меньше думал о таких бесконечных и умеющих иногда пламенеть ногах Настасьи, с которой у него как раз программа в рамках романтического, полного приятных неожиданностей адюльт-тура на чехословацкой земле.

Вместе с Мартой они пошли под руку по лесной тропинке. Долго шли молча. Сопран не знал, что сказать. Да и говорить не хотелось. Душа Николая пела. Он забыл про усталость и чувствовал себя на подъеме. И откуда только брались силы?

– Слышите? Птичка поет! – вдруг сказала, приостановившись, Марта.

– Я сегодня эгоист! Слышу только исключительно себя и свое быющее сердце! – отвечал зачарованный пилотицей сопран.

– Эгоизм – это плохо – сказала Марта. – Любить только себя – некрасиво и бесплодно!

– Разве мы, люди, знаем, что есть эгоизм? Мы просто чувствуем нечто внутри нас, что заставляет с чем-то считаться, к чему-то прислушиваться, – парировал сбитый пилот.

– Эгоизм есть жадность, зависть и агрессия, – просто сказала Марта.

– Фихте? – уверенно предположил Баксов, прочитавший в отрочестве всего Шопенгауэра и Фейербаха с Кантом.

– Нет, это я нашла в немецком издании «Словаря разумений слов» Палыча. Здорово, правда? Мы, немцы... то есть чехи, – опомнившись, исправилась тут же Марта, – предпочитаем, чтобы все – по полочкам.

Баксов почувал в Марте интеллектуалку-ведунью, и у него пусто засосало под ложечкой.

– Когда сосет под ложечкой – произнесла вдруг Марта, – это в человеке возбуждается гордыня. Такое бывает, когда самооценка индивидуума недостаточна и требуется подпитка похвалой со стороны.

– Гордыня, эгоизм... Не понимаю разницы, – задумчиво сдавленным голосом проговорил сопран.

– Вот из эгоизма и получается гордыня, когда к жадности, зависти и агрессии в человеке добавляется страх не оправдать ожидания окружающих.

Николай был ошарашен философскими психологизмами умной Марты. Ему на мгновение показалось, что он уже не сможет запеть – никогда. Баксов не знал, что умствования Марты были подсказкой некоему российскому режиссеру, понаставившему фильмов и теперь осмысливавшему прожитое, пока его брат на фоне мирового коллапса изгонял из страны бесов-юристов. Такое бывает в наполненной паром эпохе стимпанка – элементарная передача информации на скрещении временных измерений.

Николай с Мартой вышли на опушку леса. Пред их взором открылся прекрасный вид на лежащий в низине раскидистый чешский городок, дымящий пароконденсаторами, что накапливали энергию для очередного рывка в чехословацко-немецкий паро-прогресс.

– Что у вас в России весна в этом году холодная? – спросила Марта.

– Холодная... но долгожданная, – чуть задумавшись, отвечал Николай, с благоговением и мурашками в спине прикрывая своей пятерней тыльную сторону ладони своей удивительной спутницы.

Марта погрустнела. Задумалась: «Бедные танкисты фюрера. Они будут мерзнуть по утрам в своих холодных чехословацких танках, в которых нет отопления. Надо будет не забыть сказать об этом Рудольфу, чтобы он обязательно передал это Адольфу!». Оригинальный, созданный в единственном экземпляре ее истребительный бомбардировщик «Хенкель 009» в отличие от чехословацких танков был оборудован паронагревательным кондиционером с паро-интеллектуальной авторегулировкой новейшей системы «Умный самолет». Самой же главной изюминкой для Марты в пилотской кабине было наличие встроенного патефона с паро-прижимным адаптером, не прекращающим воспроизведение даже на самых крутых виражах.

Пройдясь чуть вниз по склону, по наезженной дороге, идущей вдоль опушки, Марта и Николай наткнулись на оставленный на обочине паробайк пилотицы. Надо сказать, что Николай с того времени, как заимел себе дирижабль, технику полюбил, и он хотел попросить Марту, чтобы дала ему порулить ее массивным паробайком, с розово-фиолетовыми свастиками на

сверкающем никелем бензобаке. Однако, подумав о возможности обнимать обтянутую кожей талию Марты в предстоящей их совместной поездке, будучи на месте пассажирском, тут же оставил эту идею. Марта включила запыхтевший парогенератор своего передвижного средства, предложила усаживаться Баксову, а сама засмотрелась на экран планшета, встроенного на приборной доске паробайка и понажимала на нем кнопки. Николай усаживался на заднее сиденье, думая о том, что самое лучшее в мире – это ехать, крепко держась за талию Марты. «Как поедem – буду петь! Ехать и петь!» – решил сопран Баксов.

Но только Марта, взявшись за руль, перебросила ногу через сиденье, как по обеим сторонам могучего технологичного паробайка снизу на паро-гидравлическом механизме выползли поручни с удобными ручками для пассажира, напрочь убившие необходимость прикасаться к водителю для страховки во время движения.

***

Владимир Рудольфович Соловеев-Ульрихт удачно доставил Ольгу, куда ему и было приказано развед-ставкой – в секретный санаторий для работников КГБ и внешней разведки, расположенный в соснах под Мункачем. Владимир, сдавший с рук на руки агента Ольгу принявшим ее товарищам из арендованного у надежных венгров санатория, еще полдня циркулем неуклюже передвигался на широко расставленных ногах – от того, что провел много времени в паро-мотоциклетном седле. Многие прохожие его шарахались, потому что был похож на Робокота, боровшегося с собой, чтобы на ходу – прямо в штаны – не отправить естественную надобность.

Ганс Рихтер, красный разведчик, т. е. Евген Попав-Скобеив, дерзко и рискованно заезженный лейтенантом Путеным в Прибалтийские земли, успешно легализовался. Ему пришлось облачиться в легенду «спекулянта «Рижским бальзамом». К спекулянтам полиция была не столь внимательна, как к честным труженикам консервных заводов и рыбакам, небрежно отмеченным печатью пролетарского происхождения. Так что Евген, стремительно легализовавшись, уже тайно вершил по заданию Путена свою новую разведывательную миссию – замерял шпроты, еще не попавшие в банки, и измерял прибалтийские целинные земли. Передвигаться ему приходилось на велосипеде с раскладным землемерным циркулем в бардачке и пистолетом под мышкой. Евген не любил оружие. Но на пистолете под мышкой настоял этот требовательный и придирчивый лейтенант с голубым металлическим блеском в глазах. Велосипед Евгену тоже не очень нравился. Но другого выхода, чтоб не привлекать излишне внимание, не было. Страна Прибалтика, или Чухония, как ее называли во встающей с колен Германии, была в эпоху довоенного стимпанка слабо развита, и из продвинутых транспортных средств едва ли насчитывала три-четыре сотни на всю страну небольших воздушных шаров на педальной тяге. Любой самодвижущийся механизм в Чухонии привлекал много внимания.

– Ну, что ж, Валдисович, – сказал ему тогда понимающе лейтенант Путен, доставая из багажника паро-авто – велосипед, – хоть икроножные подкачаешь.

Принимая за седло подержанный велик, Попав-Скобеив ревниво косился на сверкающий лакировкой и хромом мощный и комфортный паромобиль лейтенанта Путена, которым тот неизвестно почему владел – скорее всего, явно не по рангу. Проведший сутки за рулем, невыспавшийся лейтенант на секунду пожалел агента, забрасываемого в одиночестве в чужую страну, где уже частично орудовала беспощадная рейхсполиция. Путен хотел сказать Евгену на прощание, что обязательно через два месяца устроит ему трехчасовое свидание с его будущей женой и соратницей Ольгой, которую с удовольствием доставит сам – лично. Но все же, прежде чем уехать, чтобы не расхолаживать агента перед заданием, только и сказал:

– Местная валюта – корпус велосипедной фары. Ампула с цианистым – каблук левого ботинка. Прощай.

Красный паромобиль с Путеным взревел и тут же взмыл вперед по трассе, выпуская белый пар из шести глушителей. Агент Попав-Скобеив, или Тынис Канчельскис, как теперь

его звали по легенде, еще долго стоял, опираясь на велосипед, и глядел вслед исчезающему вдаль паромобилю «старшего».

Валерьян Викторович сидел в светло-бежевом пиджаке в кабине фиолетового паровоза, у которого спереди были большие широко раскрытые глаза с ресницами. Паровоз тащил за собой открытый вагон-кабриолет с веселыми людьми. Самый веселый-развеселый в вагоне был абрикосовоглазый толстяк Леонид Быковатов. Он певуче декламировал под баян, на котором сам же себе аккомпанировал:

«Пякен – он не бульбосракен!

Не бла-блашный идиот!

Потому что не городит,

Где не надо, огород.

Пякен скажет: «Не русня,

Вы же – подпиндосные!»

Мы ответим: «Это да,

В год невисокосный, нах!»

Пякен скажет: «Ква-ква-ква!»

Мы ответим: «Пук-пук-пук,

На дворе «трава-дрова» –

Нам – пиндос, маланцам, – друг!»

Леонида сменил некий подвыпивший молодой казах в очках (как потом выяснили спецслужбы Сталина – студент второго курса Литинститута), он спел под балалайку:

«Но зачем нам Пякена нашим резидентом?

Мы хотим Аваковда видеть президентом!

Нам зеленый президент – слишком презеленый.

А Аваковд – хитрожоп, чертом прикопченный.

Он шустер и дальногляд, не всегда в истерике.

Может дело развернуть лишь лицом к Америке.

Пякен – правильный пацан, выше пидераства,

Он бы смог Аваковду стать джедаем братства...»

– Что за порнографическая ерунда? – возмутился Гитлер, обращаясь к Сталину. – Эта какофония не из нашего времени!

Сталин с трудом приподнял левую ладонь. Сказал тут же подбежавшему к нему Власику:

– Пазавитэ, пусть Гурджиев с этим разбэроцца. Что-та из будущева тут, панымаиш, вэндрылась.

Глазастый паровоз, наморщил брови, пошевелил глазами-фарами и испуганно исчез, неожиданно и резво сиганув в бок вместе с открытым вагоном-кабриолетом. «...Он, Авака, всех обул, агрессивноватый, и запущенный им пул – «борода из ваты...» – затихающе доносились бляение студента-очкарика – уже из полурасстворенного в нигде глазастого паровоза. Куда их вез Валерьян Батькович и где должен был быть отцеплен вагон с проедателями средств, выделяемых на «права человека» – так и осталось навсегда невыясненным.

– Резонансная точка в сакральной геометрии, – монотонно вещал Гурджиев, – оказала влияние на шишковидные железы, связующиеся с эпифизами в процессе распознавания временных флуктуаций, что, вероятно, явили большим полушариям зрительно-звуковые пазлы из будущего, что особенно характерно для эклектической фотоноидально-перверсивной петли эпохи развитого стимпанка...

– Ладно, потом расскажешь, а то Гитлер этот, панымаешь, услышит и передаст все Ротшильду, – несколько нервно перебил Сталин Гурджиева.

У Сталина с Гитлером пока никак не получалось поделить честно Прибалтику, и они пошли к фуршетному столу, который сервировали семь совершенно голых официанток под

бдительным контролем гестаповских наблюдателей. Аналитики из 6-го отдела РСХАА сделали надлежащие выводы, после того как красные шпионы испортили неприятно пахнущим нигролом дорогостоящую вещь, принадлежавшую адъютанту фюрера – полковнику Куртцу.

***

В Калиште Марта притормозила паробайк – прямо у входа в гостиницу «Альбац». Эргономичные подлокотники ушли вниз-внутрь, давая Николаю возможность покинуть удобное сидение паромото.

Как же ему не хотелось расставаться с Мартой. Как не хотелось...

– Мы увидимся?.. Я хотел бы отблагодарить вас за оказанную мне помощь! – произнес сопран, с надеждой протягивая обе руки навстречу Марте. Но Марта даже не собиралась заглушать двигатель своего паромото.

– Нет, милейший, – был неожиданный для Николая ответ Марты сквозь цыканье пара вхолостую работающего двигателя паробайка. – У меня эту неделю много дел... на молочной ферме. А свой новый дирижабль, который собираетесь приобрести, назовите лучше «Настасья».

Паробайк Марты взревел, рванул вперед по улице и скоро скрылся в потоке пародилижансов. «Золотой голос» Стимпанк-эпохи Николай Баксов еще с полминуты стоял с протянутыми руками, ничего не понимая и не веря в такое нелогичное завершение своего, казалось бы, многообещающего увлечения. А дело было в том, что пилотица, зная самые секретные пароли паронасосного рейхонета, связалась с помощью паропланшета с соответствующим отделом ведомства Мюллера и получила всю информацию о цели пребывания в Чехословакии путешествующего русского колоратурного сопрана. Получив информацию, Марта в момент прозрела. Когда она на ходу смотрела в экран планшета, то чуть не съехала на обочину, увидев, что вытворял на Мальдивах сопран с этой длинноногой Настасьей... Теперь Марте о новом знакомом стало известно все – все его привычки и наклонности. Ей стало известно и имя его любимого кота, и даже самая необузданная страстишка сопрана – непременно собирать зрительских букетов хоть на один, но больше, чем певщик Филипп.

– Ведьма... Матерая чехословацкая ведьмица... – прошептали губы все еще стоящего с протянутыми руками Николая.

В этот момент у него было чувство, как будто бы он при полном зале на сцене «Метрополитен-оперы» вдохновенно исполнял «Я цыганский баро-о-н, у меня много же-е-н!», и на слове «жен» ему некто, подсланный конкурентом мерзавец, подкравшись сзади, вдруг ткнул в рот яблоко... да еще и кислейшее...

«Вот же облом! Обло-ом... И откуда она знает про Настасью? Непостижимо!» – не переставал удивляться разочарованный в лучших надеждах сопран, поднимаясь в номер, кстати, заказанный, как выяснилось, для него Мартой.

Когда усталый и расслабленный Баксов полулежал в ванне с бокалом «М-м Клико» в руке, его эротические мысли вокруг неких ландшафтов тела Настасьи навязчиво отвлекались образом Марты. В этой женщине для Николая таилась какая-то мощная и неотвязная трансцендентная притягательность.

***

Лейтенат Путен под видом путешествующего по Чехословакии бюргера, якобы между делом интересующегося чешскими рецептами производства безалкогольного пива, сидел за столом одного из Пражских кабачков и думал о своей скромной роли в предстоящих судьбах мира. Абакумов в их последнюю встречу говорил ему об уверенности Сталина в том, что промышленность Германии в назревающей Большой войне будет во многом опираться на чехословацкий промышленный паровой комплекс, и поэтому назрела задача построения здесь разветвленной и сильной агентурной сети. Задача была непростая, учитывая то обстоятельство, что более-менее профессиональные агенты Скобеивы из игры вышли. Ольга после выполнения

сложного задания набиралась сил в Мункачском ведомственном санатории. Ее муж Евгений был переброшен в Прибалтику. А подающий надежды параллельный резидент Соловьев-Ульрихт давно просился в отставку, напирая на, беременную четвертым ребенком жену и накопившиеся по субботам пропуски в синагогу, за какие его нещадно корил тамошний злой ребе. Хотя сам лейтенант был, можно сказать, железным и работоспособным, но и ему требовалась пауза, для выработки дальнейших планов. Но в этом шумном кабаке один подвыпивший грузный крестьянин-чех уже четвертый раз подряд заказывал музыкантам песню про «Ежа с бажен», что путало мысли и мешало сосредоточиться. После второго бокала у лейтенанта Путена появилось желание бросить музыкантам пачку подотчетных крон и заказать им десятикратно исполнить «Полковнику никто не пишет». Потом показать толстяку кукиш и уйти. Но бывалый вышколенный разведчик отогнал от себя эту мысль и стал раздумывать о том, каким образом ему возможно будет привлечь к дальнейшей работе Александра Соловьева-Ульрихта, на воспитание которого были затрачены значительные средства и усилия. Соловьев-Ульрихт должен был в преддверии надвигающейся Большой войны противодействовать Геббельсовской пропаганде Третьего рейха. Но чтобы эффективного пропагандиста не переманили троцкисты и не продали Германии, он был отправлен для отвлечения внимания учиться в Институт сплавов со сталью. Специалистов по сплавам на заводах – чешских и Форда – у Третьего, встающего с колен рейха – было в достатке.

На очередное заседание по разделу Прибалтики Сталин и Гитлер в сопровождении своих свит помпезно вошли из двух разных узких одностворчатых дверей замка и направились на свои протокольные места. Шел четвертый день переговоров, и на повестке стоял важный вопрос – кому достанется Рига с подземными озерами духов Дзинтарас, какие Гитлер видел сырьем, идущим на изготовления мыла для солдат рейха, а Сталин – сырьем для топлива будущих реактивных минометов. Оба – и Сталин, и Гитлер – не собирались уступать и готовы были до конца отстаивать интересы своих милитаризирующихся экономик. Напряжение росло. Это было видно по сдержанному и напряженному перешептыванию генералов с обеих сторон. Первым обстановку разрядил советский вождь. Наклонившись вперед, чтобы лучше видеть фюрера, которого загоразивал Гесс, стоящий по правую руку от своего кумира... Сталин, обращаясь к Гитлеру, сказал:

– А ыспэки-ка ты мне, Гитлэр, калабок!

Гитлер ничего не мог понять из перевода, какой выдал его суперинтеллектуальный парорефрижераторный карманный переводчик.

– Вас ист даст – kolobok?! – вскипел фюрер, не терпевший всяких непоняток. – В то время, когда весь немецкий народ трудится на благо Германии и наши подводные лодки приближаются к берегам Арктики! И в это славное время я вынужден слушать коммунистические бредни Спиридона Коленкова!

– Какого Спиридона?! – вдруг злобно взрычал Сталин, громко бряцнув трубкой о ручку кресла. Власик встревоженно прикоснулся к запасному пистолету, который он при входе не сдал, как полагалось, а, втянув живот, сунул за пояс.

– Успокойтесь, господа! – с обезоруживающей улыбкой, делая дружелюбные жесты руками, примирительно и уверенно заговорил Рудольф Гесс.

– Мой фюрер! Герр Сталин! Расслабьтесь, битте! Это же стимпанк! Стимпанк, где все позволено и все может иметь место, и где мы – не мы, и, как говорят в Украине, где хорошая земля – «моя хата скраю»... И это все, господа, благодаря всепобеждающей силе пара и – о майн гот! – богу нанотехнологий Чубайсису!

Начало переговоров по разделу подземных прибалтийских пахучих озер скомкалось. Гитлер со Сталиным выдохнули и привычно пошли к фуршетному столу, где Гудериан и Манштейн уже вылавливали себе на закуску пальцами из банки бычков в томате. В сегодняшнем фуршете была очередь господствовать кухне русской, и поскольку день был четверг, стало

быть, был «рыбный». После команды «Вольно!», поданной Власиком, к фуршетному столу стали приближаться наперевес с уставными ложками и генералы РККА.

Сила пара, уступив место внутреннему сгоранию, свой потенциал не раскрыла. Стимпанк остался существовать где-то в параллельной реальности. Там он, стимпанк, и развивается по сей день во всем бесконечном совершенствовании разнообразий паровых установок. Сегодняшние паробайки, набрав по прямой скорость, норовят отрываться от земли. Стимпанк-дилижансы парят над землей на паро-воздушных подушках, чуть помедленнее нынешних «Сапсанов» и «Синкасэнов». В сегодняшнем мире стимпанка, представьте себе, даже дверцы на холодильнике закрываются миниатюрным паросиловым механизмом. Нашедшие в развитом стимпанке самое широкое применение парокompрессорные кофемолки, дилдо и парокластерные мониторы пользуются невероятным спросом. Недалгие, но дальновидные предки Илона Маска, используя сложный семисотцентнерный паровой пресс, уже штампуют в своих необъятных подземных апартаментах горы высокотехнологических индивидуальных ошейников для тотального контроля над человечеством. «Пар – наше все!» – скандируют прихожане в храмах стимпанк-эпохи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.